

ИЛЛЮСТРАТОР ВЯЧЕСЛАВ ЛЮЛЬКО: ЧТО ДЛЯ МЕНЯ ПОВЕСТЬ ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»?

– Это моя Родина, – сказал я редакторам «Малыша» летом 2024 года, когда мне предложили иллюстрировать «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, и далее похвастал: – могу оформить одними пейзажами. Судите сами: я родился в Оренбургской области, где происходят основные события повести. Раннюю юность провёл в Симбирске (в советское время переименованном в Ульяновск). В имении Симбирской губернии начинается повествование героя повести, там и оканчивается. Венчался я с женой в Москве на Большой Ордынке – улице, по которой везли к Лобному месту Емельяна Пугачева.

И началась работа.

Начал с того, что нарисовал 16 родных сердцу мест. Осенние и зимние мотивы – любимые Пушкиным периоды года. Весну с летом автор не упомянул, хотя описывает события длиною более года.

Кроме пейзажей мне запланировали много сюжетных иллюстраций. До меня «Капитанскую дочку» иллюстрировали великие русские художники, среди которых Александр Бенуа, Аркадий Пластов, Сергей Герасимов, Дементий Шмаринов, Анатолий Иткин.

«Не знаю, как по качеству, но по количеству всех обгоним», – пошутил я тогда.

В итоге полгода спустя создал 52 картинки.

Что нового я открыл для себя во время работы? Начну издалека. Давайте сравним начало двух писем. Татьяна Ларина – Евгению Онегину:

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу ещё сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

А вот что Маша Миронова пишет Пете Гринёву:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтобы это письмо как-нибудь до вас дошло».

Чувствуете разницу? Татьяна: я, я, я. Маша: Бог, Бог, Бог.

И вот я думаю: Михайловское находится рядом с Псково-Печорским монастырем, который славится патериками, короткими назидательными новеллами. От выхода в печать этой повести до трагедии на Чёрной речке – пара месяцев. Это последнее, что написал Пушкин! Литературоведы говорят, что не знают ни строчки.

Николай I по дружбе советовал поэту брать пример с исторических романов сэра Вальтера Скотта. Из-под пера выходит повесть на сто страниц. Не нужны деньги? Это многодетному отцу-то, долги которого потом покроет царь. Значит, было что-то важнее денег.

Духовное завещание потомкам в духе патериков – вот что такое «Капитанская дочка»! Такое моё предположение.

Когда-то из лекции Софьи Агранович я узнал, что в основе композиции «Капитанской дочки» лежит архаическая сказка всех времён и народов об инициации, о том, как отец велит сыну отправиться из дома на предприятие, после прохождения которого юноша входит в мир взрослых. В России это сказка об Иване-царевиче и Сером волке. Выходит, Петя Гринев – Иван-царевич, а Пугачев – Серый волк.

Я бы добавил: в линии Маши Мироновой использована русская сказка о Василисе Премудрой.

Эту сказочную основу я отразил в форзаце и декоративном оформлении книги.

Глава 12. «Сирота». «На полу в крестьянском обрванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба».

Как искал образы героев?

Всегда придерживался творческого метода Евгения Кибрика – работать с натурой.

Итак, Маша Миронова. «Тут вошла девушка лет восемнадцати, круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою».

Сразу решил изобразить мою внучку Таню: круглолицую светловолосую сероглазую отроковицу. Сказал себе: «Воспою красоту круглолицых!» Но в процессе работы вдруг обнаружил странное отношение Пушкина к круглолицым барышням. «Кругла, красна лицом она. Как эта глупая луна на этом глупом небосклоне», – напишет поэт об Ольге Лариной, круглолицей героине романа в стихах «Евгений Онегин».

В письме Анне Керн посоветует: ««Но, пожалуйста, не взбивайте волос на висках, хотя этого и требовала бы мода, так как, на ваше несчастье, у вас круглое лицо...» Вот так, «на ваше несчастье». А в переписке с другом и поэтом Николаем Языковым круглолицую баронессу Евпраксию Вульф и вовсе назовут свиноматкой.

Глава 6. «Пугачёвщина». «Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марию Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу».

Глава 5. «Любовь». «Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марию Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал».

Как быть? В Машу влюбился Петя Гринев. И решил нарисовать такую девушку, в которую влюбится читатель.

Петя Гринёв. Храбрый, благородный юноша дворянского происхождения. Немного врунишка. Не сделает ни военной, ни гражданской карьеры. С Машей нарожают много детей. Пишет стихи. Делает переводы. Осядет в имении Симбирской губернии (Кто не знает, на Волге стоят купеческие города, только Симбирск – место дворянских гнёзд.)

Несколько лет назад, когда в Ульяновске (Симбирске) пересёкся с моим однокурсником Олегом Тарасовым, увидел его сына отрока Сашу, подумал: идеальный Гринёв. В июле 2024 года написал другу, что хочу рисовать его сына. Ответ пришёл не сразу. Я рисовал по воображению. Мучало ощущение чрезмерной простоты образа. Дурочек какой-то получался. Хотя Александр Бенуа именно так и рисовал Петю. И вот, когда готовы были рисунки, однокурсник ответил согласием. Недели две ушли на перерисовку. Олег с супругой на первом развороте позировали Андрея Петровича Гринева и Авдотью Васильевну – родителей героя. Коренных жителей Симбирска (Ульяновска) Гринёвых позировала чета коренных жителей Ульяновска (Симбирска) Тарасовых. На мой взгляд, это было удачно.

С образами Емельяна Пугачёва и Екатерины II проще: старался, чтобы были похожи на прижизненные портреты.

Были ли чудеса во время работы?

Расскажу об одном. Летом 2024 года, когда только приступил к эскизам, выхожу из дома в Москве, чтобы сесть на ульяновский поезд. Какой-то наследник усопшей старушки распорядился вынести её «хлам» к помойке. Дворник выносит стул XVIII века. Такие стулья я видел в фильме «Русский бунт» (экранизация «Капитанской дочки» 1999 года). Только там – бутафория. А здесь подлинник. Занес стул домой. Дворник говорит: «Там столько всего интересного!» Но у меня уже не было времени. Иду на Казанский вокзал и словно слышу слова Александра Сергеевича: «На, Слава, рисуй стул с натуры».